

СТРАНА-СКАЗКА:

Райнер Мария Рильке в поисках «русской души»

В западноевропейской культуре новейшего времени трудно найти мыслителя, писателя или художника, который относился бы к России с такой глубокой и трогательной нежностью, как Райнер Мария Рильке (1875–1926), великий немецкий лирик конца XIX — начала XX века.

Впервые посетив Россию в мае–июне 1899 года, Рильке сразу же проникся к ней горячей любовью. В течение 1899-го и в начале 1900 года он старательно изучает русский язык, переводит на немецкий язык произведения русских авторов (в частности, «Чайку» Чехова), пишет статью, посвященную русскому искусству. Привязанность Рильке к России еще более упрочилась после его второго путешествия, предпринятого в 1900 году. На этот раз пребывание поэта в России было более длительным. Вместе со своей приятельницей Лу Андреас-Саломе, сопровождавшей поэта и в его первой поездке, Рильке проводит несколько недель в Москве, затем — после краткого визита к Л. Толстому в Ясную Поляну — отправляется в Киев; посетив ряд украинских городов, путешественники через Харьков и Воронеж приезжают в Саратов, где садятся на пароход и поднимаются вверх по Волге. В июле они проводят несколько дней в русской деревне под Ярославлем, затем — гостят у крестьянского поэта Спиридона Дрожжина в его родной деревне Низовка (Тверской губернии). В августе 1900 года Рильке около месяца живет в Петербурге, где увлеченно изучает русское искусство. В конце августа он — вместе с Лу — возвращается в Германию, не сомневаясь в том, что еще не раз возвратится в любимую страну.

Покоренный Россией, Рильке отдал этой стране не только свое сердце, но и несколько лет своей жизни. Это относится к 1899–1902 годам. С величайшим усердием читал Рильке русских прозаиков и поэтов, изучал творчество русских живописцев, интересовался историей и народным бытом России, памятниками древнерусской живописи и архитектуры. Увлеченность Россией наложила явственный отпечаток на главные произведения Рильке тех лет: «Истории о Господе Боге», «Часослов» и др. К концу 1901 года Рильке настолько пропитался «русским духом», что начал сочинять стихи на русском языке (им написано в общей сложности восемь русских стихотворений). Одновременно Рильке думал о том, чтобы навсег-

да переселиться — вместе с женой и дочерью — на свою «духовную родину» и полностью перейти в своем творчестве на русский язык. Однако этот замысел не осуществился. Отъезд Рильке в Париж (в августе 1902 года) и последовавшее затем сближение с Роденом направили его жизнь по иному руслу. Впрочем, и спустя много лет Рильке называл встречу с Россией «главным событием» своей жизни¹.

Тема «Рильке и Россия» имеет несколько ракурсов. В течение долгого времени историков культуры занимал преимущественно биографический аспект этой темы: история и маршруты русских путешественников, его знакомство, встречи и переписка с выдающимися деятелями русской культуры (А. Н. Бенуа, Л. О. Пастернаком, Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым и др.)². Отдельную и особую главу образуют отношения Рильке с двумя замечательными русскими поэтами XX века, завязавшиеся в 1926 году (за несколько месяцев до его кончины), — Борисом Пастернаком и Мариной Цветаевой. Тройственной переписке Рильке, Пастернака и Цветаевой посвящено в настоящее время немало исследований и публикаций³.

¹ Письмо к французскому литератору и переводчику М. Бетцу от 19 февраля 1923 г. (*Betz M. Rilke vivant. Souvenirs. Lettres. Entretiens. Paris, [1937]. P. 46*).

² Приведем основные работы: *Brutzer S. Rilkes russische Reisen. Königsberg in Preussen, 1934* (репринт: Darmstadt, 1969); *Chertkov L. Rilke in Russland. Aufgrund neuer Materialien. Wien, 1975* (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte. 301. Band. 2. Abhandlung. Veröffentlichungen der Kommission für Literaturwissenschaft № 2); *Brodsky P. P. Russia in the Works of Rainer Maria Rilke. Detroit, 1984*; *Epp G. K. Rilke and Russland. Frankfurt a. M., 1984* (Europäische Hochschulschriften 1. Reihe 726); *Rilke und Russland. Briefe, Erinnerungen, Gedichte / Hrsg. von Konstantin Asadowski. Berlin; Weimar, 1986* (Lizenzausgabe — Frankfurt a. M., 1986; расширенное и доработанное изд. на рус. яз.: СПб., 2003); *Reshetlylo-Rothe D. A. Rilke and Russia. Rilke and Russia. A Re-evaluation. New York; Bern; Frankfurt a. M.; Paris, 1990* (Studies in Modern German Literature. Vol. 18); *Naumann H. Russland in Rilkes Werk. Rheinfelden and Berlin, 1993* (Deutsche und Vergleichende Literaturwissenschaft 21); *Tavis A. A. Rilke's Russia. A Cultural Encounter. Evanstone, Illinois, 1994*; Райнер Мария Рильке в Ясной Поляне. Текст Иоахима В. Шторка. Марбах (Германия), 2000 (Marbacher Magazin 92; текст на рус. и нем. яз.); *Kopelew L. Rilkes Märchen-Russland // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von Mechthild Keller unter Mitarbeit von Karl-Heinz Korn. München, 2000. S. 904–937*; Райнер Мария Рильке и Александр Бенуа / Изд. подготовил К. Азадовский. СПб., 2001.

³ Из переписки Рильке, Цветаевой и Пастернака в 1926 году / Публ. и коммент. К. М. Азадовского, Е. Б. и Е. В. Пастернаков // Вопросы литературы. 1978. № 4. С. 233–281; полное изд.: Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года / Подг. текстов, сост., пре-

Задача настоящей статьи — исследовать русофильские воззрения Рильке в их истоках, становлении и развитии.

1

Увлечение Россией началось у Рильке за несколько лет до того, как он впервые приехал в эту страну. Решающую роль в формировании его русофильских взглядов, отчасти — тривиальных, отчасти — весьма оригинальных, сыграла писательница Лу Андреас-Саломе (1861–1937), с которой поэт познакомился в Мюнхене весной 1897 года. «Без влияния этой выдающейся женщины, — признавался Рильке в 1924 году, — мое развитие не пошло бы теми путями, на которых мне удалось кое-чего достичь»⁴.

Жизнь и деятельность этой воистину выдающейся женщины, родившейся в Петербурге, где прошли ее ранние годы, ныне хорошо изучены. С достаточной полнотой исследованы ее личные отношения с Ницше, Рильке, позднее — с Зигмундом Фрейдом; выявлены и опубликованы ее рукописи, письма и прочие архивные материалы⁵. Задержимся поэтому лишь на некоторых ее работах, посвященных России и русскому человеку.

Лу Андреас-Саломе принадлежала к немецкой культурной элите, искавшей в 1890-е годы новых путей в философии и искусстве. На страницах журнала «Freie Bühne» («Свободная сцена»), печатного органа берлинских натуралистов, как и в других ведущих немецких изданиях, Андреас-Саломе затрагивала вопросы, весьма актуаль-

дисл., перев. и коммент. К. М. Азадовского, Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернака. М., 1990; переизд.: Райнер Мария Рильке. Дыхание лирики. Переписка с Мариной Цветаевой и Борисом Пастернаком / Сост., коммент. и предисл. К. М. Азадовского, Е. В. Пастернака и Е. Б. Пастернака. М., 2000. Между 1981 и 2005 гг. русское издание было переведено на итальянский, немецкий, французский, английский, испанский, сербский и др. яз. См. также: Небесная арка. Райнер Мария Рильке и Марина Цветаева / Изд. подготовил К. Азадовский. СПб., 1992 (то же: Ein Gespräch in Briefen. Marina Zwetajewa und Rainer Maria Rilke. Frankfurt a. M., 1992); расширенное и доработанное изд. на рус. яз.: СПб., 1999.

⁴ Rainer Maria Rilke und Marie von Thurn und Taxis. Briefwechsel / Besorgt durch Ernst Zinn. Mit einem Geleitwort von Rudolf Kassner. Zürich; Wiesbaden, 1951. S. 807 (письмо от 24 мая 1924 г.).

⁵ Укажем основные источники: *Peters H. F.* My Sister, my Spouse. New York, 1962 (нем. изд.: *Peters H. F.* Lou. Das Leben der Lou Andreas-Salomé. München, 1965); *Binion R.* Frau Lou. Nietzsche's wayward disciple. Princeton, 1968; *Livingstone A.* Lou Andreas-Salomé. London and Bedford, 1984; *Welsch U., Wiesner M.* Lou Andreas-Salomé. Vom «Lebensgrund» zur Psychoanalyse. München; Wien, 1990; *Michaud S.* Lou Andreas-Salomé. L'alliée de la vie. Paris, 2000.

ные для эпохи «переоценки ценностей»: происхождение религии, духовное освобождение женщины и т. д. Об интересах и направленности взглядов Андреас-Саломе с достаточной полнотой позволяют судить две ее статьи 1890-х годов: «Иисус-еврей» (1896) и «Религия и культура» (1898). Основной их пафос — богоискательский. Бог, по убеждению Андреас-Саломе, — органическая изначальная субстанция, как бы сердцевина вещей. Он неразрывно слит с Природой; его корни теряются в непроглядном мраке изначального хаоса. В глубокой древности, пишет Андреас-Саломе, Бог соседствовал с человеком, был рядом с ним и воспринимался как «ближний». Он не карал людей, не сковывал их понятием греха и цепями этики. Человек ощущал себя связанным с божеством через кровь жертвоприношений. Но чем шире становился круг людей, поклонявшихся божеству, тем слабее становилась его связь с ними и, в конце концов, Бог «умер» — превратился в абстракцию; это, в частности, произошло с Христом, который первоначально был создан языческим мироощущением иудейских племен. Продолжая начатый Ницше поход против христианства, Андреас-Саломе обращается к религиям нецивилизованных народов и противопоставляет этическому духу христианства таинства языческих обрядов. В наши дни человек может вновь обрести Бога лишь в оргиастическом дионисийском таинстве. Он приближается к нему в двух точках: в первозданном теплом хаосе своего зарождения и в высочайших проявлениях художественного творчества.

К подобным же («кошунственным», с точки зрения ортодоксального христианина) мыслям склонялся — еще до встречи с Андреас-Саломе — молодой Рильке; не случайно статья «Иисус-еврей» произвела на него огромное впечатление. Воодушевленный знакомством с Андреас-Саломе, Рильке пишет стихотворения цикла «Видения Христа» (впервые опубликованного в 1959 году). В одном из писем поэт признавался, что стихи эти имеют для него исключительное значение: «В них зреет будущее (*das werdende*), которое сопровождает мою жизнь»⁶.

В основе воззрений молодого Рильке лежало активное неприятие современного ему «делового» и «суетного» мира, отрицание религиозно-нравственных ценностей, на которых он жидется. Этот внутренний бунт принимает у поэта форму религиозного переживания. Традиционные представления о христианском боге кажутся Рильке ложными; этого Бога больше не существует; то, чему поклоняются люди в наши дни, — скорее, видимость бога, в которого не верят,

⁶ Письмо к писателю Вильгельму фон Шольцу от 9 февраля 1899 г. Цит. по: *Rilke R. M. Sämtliche Werke. Bd. III. Wiesbaden, 1963. S. 790* (далее ссылки на это издание даются при помощи условного сокращения SW с указанием тома и страницы).

а «играют». Эта болезнь, охватившая современный мир, связана с утратой людьми непосредственности и цельности, предполагающих близость Бога и человека. Бог «Видений Христа» — живой человек из плоти и крови. Он страдает от зноя и холода, голода и жажды. Стремясь подчеркнуть земную сущность Христа, поэт даже упрекает его в том, что вместе с Марией Магдалиной Христос не произвел на свет ребенка. Бог «Видений...» изменчив. То бродяга в лохмотьях, то слабоумный нищий, то слепой мальчик — так, постоянно меняя свой облик, скитается он по свету, убеждая людей в ложности их представлений о нем. Он ближе всего к детям, его цель — «раздать им небо»⁷. Всегда мучившая Рильке мысль о том, что отдельный человек, как и все человечество, с возрастом утрачивает свое «детство», проступает здесь вполне отчетливо. «Я — детство, я — воспоминание», — говорит о себе Бог, который «видится» Рильке⁸.

Влияние Андреас-Саломе определило и тот повышенный интерес к России, который проявляет Рильке уже летом 1897 года. Живя в Германии, Лу Саломе не порывала связи с Россией (вплоть до 1914 года она регулярно наезжала в Петербург, чтобы навестить родных — мать и братьев), и как раз во второй половине 1890-х годов она переживала чувство «обретения родины». Поиски «новой религиозности» побуждают ее, как и многих других в ту пору, обратить свой взгляд к России. В Германии наступала неоромантическая эпоха — эпоха духовных исканий, окрашенных преимущественно в мистические тона. Новое поколение, пришедшее на смену натуралисту, решительно отвергает — вслед за Ницше — традиционные христианские догматы и тянется к «естественности» и «первозданности», утраченным, якобы, в современном мире. Это убеждение разделяли и Андреас-Саломе, и Рильке. Стремление приблизиться к духовной сущности бытия неуклонно ведет неоромантиков «вглубь» и «внутри» — к иррациональной «душе». Именно «душа» становится в неоромантическую эпоху неким смысловым средоточием, в котором преломляются основные тенденции «нового идеализма». Подобно своим предшественникам начала XIX столетия, неоромантики тянутся к древним цивилизациям Востока; в современном же мире эти поиски приводят их к «открытию» России, где весьма расплывчатое понятие «души» обретает свою конкретность в «русской душе».

Конечно, «мыслителей и поэтов» конца XIX века привлекала не столько реальная Россия, уже вступившая на путь капиталистических реформ, сколько патриархальная Русь, которую они чрезмерно идеализировали. В отличие от «утомленного» Запада, отягченного плодами цивилизации и культуры, Россия представлялась

⁷ Там же. S. 142.

⁸ Там же. S. 137.

«юной» страной, у которой, как у ребенка, все в будущем. Такая точка зрения на Россию восходила отчасти к Ницше; Россия была для него «единственной крепкой и прочной державой, которая умеет ждать и от которой можно многого ждать. Россия — антипод убогой европейской раздробленности и нервозности...»⁹. О русском народе как «очень юном и очень наивном» писал и М. Э. де Вогюэ, автор весьма популярной в то время книги «Русский роман»¹⁰; Нина Гофман, автор первой в Германии монографии о Достоевском (Рильке знал и высоко ценил эту книгу), видела в «полуварварском» русском народе молодые, еще не проявившие себя силы. «Нам еще предстоит узнать этот народ, — заявляла Н. Гофман, — и, узнав его, кое-что пересмотреть наново»¹¹.

Глубоко увлеченная этими «русофильскими» настроениями, Андреас-Саломе пытается установить личные отношения с русскими писателями и критиками. В поле ее зрения попадает «Северный вестник» — первый в России журнал, где с начала 1890-х годов систематически печатались произведения русских и зарубежных авторов, выражавших характерные настроения конца века. Сблизившись с редакцией «Северного вестника», Андреас-Саломе становится в 1896–1898 годах постоянным автором этого журнала. В 1897 году она приглашает к себе в Вольфратсхаузен под Мюнхеном, где проводит лето, Акима Волинского, идейного руководителя «Северного вестника». Следы общения и сотрудничества Андреас-Саломе с Волинским видны в ряде ее работ того времени, например — в статье «Русская литература и культура», написанной летом 1897 года¹². Другая статья Андреас-Саломе — о Лескове («Русская икона и ее поэт»¹³) — также явно инспирирована Волинским (первым русским критиком, по достоинству оценившим талант Лескова). Общение с Волинским сказалось и в небольшой статье Андреас-Саломе «Русская философия и семитский дух»¹⁴, где говорится о наиболее заметных, с точки зрения автора, представителях русской «университетской философии». В этой статье Андреас-Саломе пыталась установить как родство, так и различие между русским и еврейским типом

⁹ Ницше Ф. Сумерки кумиров, или Как философствуют молотом // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. СПб., 1993. С. 609.

¹⁰ Vogüé M. E. de. Le roman russe. Paris, 1886. P. 344.

¹¹ Hoffmann N. Th. M. Dostojewsky. Eine biographische Studie. Berlin, 1899. S. 3.

¹² Andreas-Salomé L. Russische Dichtung und Kultur // Cosmopolis. Internationale Revue <London; Berlin; Wien>. 1897. № XXI. September.

¹³ Andreas-Salomé L. Das russische Heiligenbild und sein Dichter // Vossische Zeitung. 1898. 1. Januar. (Sonntagsbeilage № 1).

¹⁴ Andreas-Salomé L. Russische Philosophie und semitischer Geist // Die Zeit. 1898. № 172. 15. November.

сознания, высказывалась о современном положении евреев в России, о необходимости допустить философов еврейского происхождения к преподаванию в русских университетах (иначе, — о необходимости оплодотворить русский «метафизический» дух интеллектуальным «семитским» началом).

Страстное влечение к Лу не могло не обострить интереса Рильке к России — независимо от того, в какой степени он был ранее знаком с этой страной. Присутствуя при беседах Лу Андреас-Саломе и Вольтмана, Рильке запоминает русские имена, доселе ему, скорее всего, неизвестные (Гаршин, Лесков), слышит русскую речь. Он не только читает, но и переписывает набело статьи Андреас-Саломе, насыщенные русской тематикой. Можно сказать, что сближение Рильке с Россией началось именно в Мюнхене и Вольфратсхаузене (в мае–июле 1897 года) под непосредственным воздействием Лу и не без участия Акима Вольтмана.

2

1 октября 1897 года Рильке — вслед за Лу Андреас-Саломе — покидает Мюнхен и переезжает в Берлин, поселившись в Шмаргендорфе (на западной окраине Берлина) поблизости от четы Андреас. Интересуясь изобразительным искусством, Рильке весной 1898 года едет во Флоренцию, чтобы воочию увидеть шедевры итальянского искусства, которыми вдохновлялись прерафаэлиты. Он начинает записывать и пытается свести воедино свои разрозненные мысли об искусстве — так рождается «Флорентийский дневник», обращенный к Лу, «любимой, единственной и святой»¹⁵.

Осмысляя все то, что было им воспринято от Андреас-Саломе, Рильке пытается систематизировать свои взгляды. Во «Флорентийском дневнике» он как бы приближается к Богу, которого безуспешно искал в предшествующие годы. Поэт по-прежнему убежден, что для «бездушной» современности Бог — выхолощенное пустое понятие; но теперь он знает, как вернуть его людям. Бог потенциально присутствует в любой вещи, любом явлении; он изменчив и неуловим. Единственный, кто способен обнаружить его и сделать зримым, — это Художник. Бог создается творческим актом гения. Любимый образ Рильке — Микеланджело, который из каменной глыбы высекает произведение искусства, творя тем самым собственного Бога. Искусство — это боготворчество. Бог Рильке — бог будущего, которого из поколения в поколение упорно создают художники. Бог и будущее для Рильке — созвучные понятия. «Я чувствую:

¹⁵ *Rilke R. M. Das Florenzer Tagebuch / Hrsg. von R. Sieber-Rilke und C. Sieber. Leipzig, 1942. S. 112; цитируется (здесь и далее) по републикации 1994 г.*

мы — родоначальники Бога, и в своем глубочайшем одиночестве мы движемся через тысячелетия к его началу»¹⁶. По мере приближения к Богу люди, по мысли Рильке, будут восстанавливать свою изначальную «детскую» цельность. «Мы утратили наивность. Но мы должны вернуть себя к примитивности, чтобы оказаться наравне с теми, кто носил ее в своем сердце»¹⁷.

Мистическое ощущение Бога, острая потребность в нем принимают у Рильке форму своеобразной эстетической программы. Религия и красота — одно и то же. Художник богоподобен; он — творец и создатель, подобно Богу-Отцу; он «бездомен» и не принадлежит своему времени, ибо его родина — в будущем. Художник обязан быть одиноким и набожным, зрелым и терпеливым «в своей смиренной гордости». Художник является для Рильке тем же, чем был для Ницше сверхчеловек. «Убежденность в том, что художник как таковой радикально отличается от обыкновенных людей и противостоит им, сопровождает Рильке на всех этапах его жизненного пути», — подчеркивает Э. Мазон (Мейсон), автор книги о германском поэте¹⁸. Впрочем, Рильке размышляет не только о творцах-одиночках, но и о народах-творцах, не только об избранных, но и о простых людях, чья внутренняя жизнь выявляется, по мысли Рильке, в молитве. Поэт тоскует о «коллективном художнике», способном к созиданию своего Бога.

Тем временем Андреас-Саломе пишет новую статью — о Льве Толстом, известность которого в 1890-е гг. достигает на Западе своего апогея. Эта статья, озаглавленная «Лев Толстой, наш современник», рождена вопросом, волновавшим в то время многих: как мог великий художник отказаться от литературного творчества ради проповедей христианской морали? Решить эту проблему — «одну из самых странных и самых интересных человеческих проблем» — можно, по мнению Андреас-Саломе, лишь проследив развитие той части русского общества, в которой воплотились две противоречивые тенденции: «стремление к славянофильскому идеалу и примитивной жизни народа, с одной стороны, и рафинированная утонченность современной души, — с другой»¹⁹. Толстой, полагает Андреас-Саломе, — кульминационный пункт этого развития.

Отношение Андреас-Саломе к Толстому вытекало из ее понимания русского народа, в котором она склонна была видеть тот самый

¹⁶ Там же. S. 114.

¹⁷ Там же. S. 56.

¹⁸ *Mason E. Rainer Maria Rilke. Sein Leben und sein Werk. Göttingen, 1964. S. 27.*

¹⁹ *Andreas-Salomé L. Leo Tolstoi, unser Zeitgenosse // Neue deutsche Rundschau. 1898. Heft 11. S. 1147* (далее ссылки на эту статью даются в тексте указанием страницы).

примитивный народ, который, в отличие от цивилизованного Запада, еще сохранил живую связь с Богом. Христианство, согласно Андреас-Саломе, вообще чуждо русскому народу, сохранившему «собственные, исконно русские (urussische) идеалы <...>. Византийская форма сдавливает его, как золотой, усыпанный драгоценными камнями панцирь, но под ним бьется совсем еще детское русское сердце» (S. 1150). Отличительными чертами русского народа Андреас-Саломе считает его наивность, набожность и пассивность.

Лев Толстой, по мнению писательницы, органически связан с русским народом, и именно по этой причине она... отказывается видеть в нем христианина. Вопреки заявлениям самого Толстого, Андреас-Саломе пытается доказать, что толстовские идеи непротivления восходят не столько к евангельским заповедям, сколько к народному мирозерцанию и свидетельствуют о тесной связи Толстого с национальным русским характером, в основе которого «совершенно бесспорно лежат глубокая доверчивая наивность и человеколюбивая пассивность» (S. 1150).

Однако религиозность для Андреас-Саломе не столько этическая, сколько эстетическая категория. Творческая активность — отличительный признак того сокровенного непознаваемого начала, которым, по ее мнению, характеризуется человек, не затронутый современной культурой. Проявление этого начала (например, в религиозном обряде) расценивается ею как творческий акт, в котором находят выход глубинные иррационально-чувственные силы человека: его «божественная» сущность. Своим художественным творчеством Толстой показал эту скрытую в нем огромную чувственную мощь.

Все общественные и иные предпосылки, обусловившие в своей совокупности явление Толстого, Андреас-Саломе сводит исключительно к его «сверхчеловеческому» творческому потенциалу. Его главный внутренний конфликт — между художником и проповедником — она объясняет исключительно заложенной в нем «природной силой». «То начало, которое, вследствие негармоничного и болезненного развития, грубо разрушает у него в конце концов каждое творение искусства, есть не что иное, как могучее человеческое начало, которое предстает перед нами в невероятно обнаженном виде, напоминая о том, что лишь из него, из той глубины, в которую оно уходит, извергается в конечном итоге и мощь, питающая искусство» (S. 1154).

Бросается в глаза, до какой степени перекликаются с суждениями Андреас-Саломе отдельные пассажи «Флорентийского дневника». И тут, и там — культ художника, стремление поставить его на недостижимый пьедестал. Влияние Лу на образ мыслей Рильке в этом случае совершенно неоспоримо. Впрочем, нельзя не отме-

тить и разницы: в статьях Андреас-Саломе превалирует рефлексия; в заметках Рильке — пафос.

Разумеется, и Льва Толстого — художника и человека — Рильке видел в ту пору глазами Андреас-Саломе. Одновременно с ее статьей о Толстом в венском журнале «*Ver sacrum*» появляется первая часть рильковского эссе «Об искусстве». Оно начинается с критического упоминания о «нашумевшем» трактате Толстого «Что такое искусство?», поставленном Рильке в один ряд с теми работами, в которых «не столько рассматривается сущность искусства, сколько делается попытка объяснить его, исходя из эффекта, им производимого»²⁰. Л. Андреас-Саломе, подвергая в своей статье резкой критике отказ Толстого от творчества в пользу общественной деятельности на благо других, также касалась его книги об искусстве. «С особым негодованием, — писала она, — следует отметить мысль, пронизывающую последнее сочинение Толстого и состоящую в том, будто “другие” могут играть какую-то роль в творческом акте, будто ради “других” и создаются вообще произведения искусства» (S. 1153).

Разумеется, образ русского писателя, каким он предстает в статьях Рильке и Андреас-Саломе, мало соответствовал подлинному Толстому, точно так же, как позиция эстетизма, с которой они оценивали русского писателя, была в корне противоположна убеждениям Толстого, чьи взгляды отличались в первую очередь антиэстетизмом и антииндивидуализмом. Но Рильке и Андреас-Саломе русский писатель виделся именно таким. Задуманная в 1898 году поездка в Россию связывалась для них, в частности, с возможностью посетить Льва Толстого. Оба надеялись увидеть вочию того человека, чей образ уже получил очертания под пером Андреас-Саломе: «сверхчеловека», художника-творца, созидателя, подобного Микеланджело. «...Его образ, — вспоминает Андреас-Саломе, — был для нас в известном смысле воротами в Россию: ведь если Достоевский уже раньше открыл Райнеру глубины человеческой души в русских людях, все же именно Толстой оказался для нас воплощением русского человека как такового — благодаря той проникновенной поэтической мощи, которая свойственна всем его произведениям»²¹.

3

Исполненные смутных, но заманчивых ожиданий, Андреас-Саломе, ее муж, профессор Карл Андреас, и Рильке прибыли 27 апреля 1899 года в Москву. Был Великий четверг — середина Страстной

²⁰ SW III, 426.

²¹ *Andreas-Salomé L. Lebensrückblick. Grundriss einiger Lebenserinnerungen* / Aus dem Nachlass hrsg. von Ernst Pfeiffer. Frankfurt a. M., 1968. S. 117.

недели; город готовился к празднику Воскресения Христова; в православных храмах светились лампы, совершалась Божественная литургия, пелись псалмы и молитвы, молящиеся стояли с горящими свечами. Путешественники остановились в Большой Московской гостинице на Воскресенской (ныне Манежной) площади напротив Иверских ворот. Из окон гостиницы открывался вид на Кремль и часовню Иверской Богоматери. Через двадцать пять лет в беседе с В. Гулевичем Рильке вспомнит о первых часах своего пребывания в Москве:

«После короткой передышки в гостинице я сразу же, несмотря на усталость, отправился в город. И вот на что я набрел: в сумерках проступали очертания гигантского храма, в тумане по сторонам его возвышались две маленькие серебряные часовни²², на ступенях же расположились паломники, ожидавшие, когда откроются двери. Это необычное зрелище потрясло меня до глубины души. Впервые в жизни мной овладело невыразимое чувство, похожее на “чувство родины”, и я с особенной силой ощутил свою принадлежность к чему-то, Бог мой, к чему-то такому, что существует на свете...»²³. Это признание весьма примечательно. Оно свидетельствует, что уже первые часы пребывания в России оказались для Рильке мощным духовным переживанием, во многом определившим его дальнейшую жизнь.

На другой день Рильке отправляется на Мясницкую к Леониду Пастернаку. Он застаёт художника в мастерской, передает ему рекомендательное письмо от общих знакомых. Тесно связанный в ту пору со Львом Толстым (в журнале «Нива» печатался на протяжении 1899 года роман «Воскресение» с его иллюстрациями), Пастернак попросил Льва Николаевича принять гостей из Германии. И вечером того же дня супруги Андреас и Рильке навестили Толстого в его московском доме в Хамовниках.

«...Вчера мы были приглашены на чай к графу Льву Толстому, — рассказывает Рильке 29 апреля в письме к матери, — и провели у него два часа, испытав глубокую радость от его доброты и человечности. Мы были тронуты трогательной простотой его любезности и словно благословлены этим великим старцем, способным так по-юношески и проявлять свою доброту, и сердиться. Это выше всяких слов!...»²⁴

Слово «сердиться» требует пояснений. По-видимому, Рильке и Андреас-Саломе с восхищением говорили о своих первых мос-

²² Так сохранила память Рильке два шатра над Воскресенскими воротами (1680), уничтоженными в 1929 г. и восстановленными в 1995 г.

²³ *Hulewicz W. Gespräche mit Rilke // Prager Presse. 1924. № 330. 30. November (Dichtung und Welt. Sonntagsbeilage zur «Prager Presse». № 48. S. II)*

²⁴ *Brutzer S. Rilkes russische Reisen. S. 48.*

ковских впечатлениях: о маленькой Иверской часовне, переполненной молящимися, о толпах народа на улицах и перед церквями и т. п. Нетрудно предположить, что у Толстого, отрицавшего обрядовую сторону православия, такие восторженные речи могли вызвать лишь раздражение. Это подтверждается словами Андреас-Саломе: «...И хотя Толстой самым настойчивым образом внушал нам не поклоняться русским суевериям столь неистово, как простой народ, но когда мы возвращались от него, нас встретила пасхальная ночь могучим гулом кремлевских колоколов»²⁵.

«Святая ночь» произвела неизгладимое впечатление на восприимчивую натуру Рильке, потрясла его до глубины души и навсегда осталась в его памяти как одно из глубочайших переживаний его жизни. Позднее Рильке скажет — проникновенно и просто: «Это была моя Пасха, и я думаю, мне хватит ее на целую жизнь»²⁶. В ту незабываемую московскую ночь, вспоминает Рильке, ему была «подана великая весть» о воскресшем Христе. Стоя в Кремле со свечкой в руках и слушая перезвон колоколов Ивана Великого, поэт, уже внутренне подготовленный к этому событию, чувствовал себя потрясенным. Ему казалось, что в нем воскресает вера в себя и свою духовную миссию, что к нему — после долгих лет «тревожной и запутанной юности»²⁷ — вновь возвращается чувство того самого «живого Бога», который говорил о себе в «Видениях Христа»: «Я — детство, я — воспоминанье». На своем поэтическом языке Рильке называл это «узнаванием», «возвращением на родину» и т. п. «Когда я впервые приехал в Москву, — писал он в апреле 1904 года шведской писательнице Эллен Кей, — все показалось мне известным и давно знакомым; это случилось в Пасху. И отозвалось во мне: моя Пасха, моя весна, мои колокола. Город моих самых далеких и глубоких припоминаний, непрерывно манящее возвращение: родина»²⁸.

3 мая 1899 года путешественники приезжают из Москвы в Петербург, где проводят более месяца. Различие между Москвой и Петербургом Рильке пытается сформулировать 10 мая в письме к своему штутгартскому издателю Альфреду Бонцу: «Москва — богатое незабываемое впечатление, новый перевод слова Красота. Здесь же (в Петербурге — К. А.) все намного понятнее, здесь более европейский, столичный стиль»²⁹.

²⁵ *Andreas-Salomé L.* Rainer Maria Rilke. Leipzig, 1928. S. 19.

²⁶ Из письма Рильке к Л. Андреас-Саломе от 31 марта 1904 г. (Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / Издание подготовил Константин Азадовский. СПб., 2003. С. 519; далее — Рильке и Россия).

²⁷ Из письма к А. С. Суворину от 5 марта 1902 г. (Там же. С. 494).

²⁸ Rainer Maria Rilke — Ellen Key. Briefwechsel. Mit Briefen von und an Clara Rilke-Westhoff / Hrsg. von Theodore Fiedler. Frankfurt a. M., 1993. S. 73.

²⁹ Хоутоновская библиотека Гарвардского университета (Бостон, США).

Большую часть времени Рильке проводит в музеях — в Эрмитаже, Музее Александра III (ныне — Русский Музей), Строгановском и Семеновском частных собраниях, Академии художеств. Русское искусство, в особенности, иконопись, глубоко захватывает поэта. С той же увлеченностью, с какой год назад он изучал итальянское искусство, Рильке погружается в историю русской живописи. С сочувствием отмечает он попытки некоторых современных художников воссоздать русский национальный стиль и возродить традиции народного творчества. Его внимание в особенности привлекает Виктор Васнецов, ярчайший выразитель «неорусского» направления в живописи. Кроме того, 18 мая (и, возможно, — 31-го) Рильке и Андреас-Саломе посещают Репина «Прекрасно! — восклицает Рильке в письме к Ворониной от 6 (18) мая. — Он чувствует как художник». Но главное, что восхищает поэта в Репине: «русский человек»³⁰.

Суммируя высказывания Рильке тех дней, можно видеть, как его представления о России постепенно слагаются в цельную систему. На другой день после встречи с Репиным в письме к пражскому писателю Гуго Салюсу он рассказывает: «Я уже три недели в России, но кажется, будто три года, настолько мне здесь хорошо. Москва была первой целью, Пасха — первой радостью, Толстой — первым человеком, которого я посетил. Это трогательнейший человек и притом “вечный русский”! А после этого я пережил еще столько нового, что это до сих пор не обрело названия в моей душе»³¹.

Глубоко и подчас болезненно впечатлительный Рильке пытается, как явствует из многочисленных свидетельств, найти в России именно то, что отвечало бы его ожиданиям: смиренный и набожный лик восточной страны, не похожей на «бездуховный» Запад. Пытается — и находит; а если и не находит, то, по-своему осмысляя виденное, создает искомое своим поэтическим воображением. Так, 20 мая Рильке пишет писательнице Франциске фон Ревентлов (из Петербурга): «Я уже три недели в России. Я слышал пасхальные колокола в Москве, а теперь переживаю начало весны в блеске березовых рощ и плеске широкой Невы. Испытываешь необычное ощущение, находясь ежедневно среди этого народа, который полон смирения и набожности, и я глубоко радуюсь этому новому опыту»³².

Этот новый опыт (бесспорно, религиозного свойства), Рильке переживал и осмыслял как поэт: эстетически. Не случайно в цитированном письме к А. Бонцу он писал о «новой красоте», открывшейся ему в России. Бог Рильке — Красота, ожидающая своего воплощения. Смиренный и набожный, исполненный «благочестия» русский

³⁰ Рильке и Россия. С. 135–136.

³¹ *Rilke R. M. Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit 1899 bis 1902 / Hrsg. von Ruth Sieber-Rilke und Carl Sieber. Leipzig, 1931. S. 12.*

³² Там же. С. 15.

человек становится у него «художником», созидателем грядущего Бога, — таким, каким он виделся Рильке в период «Флорентийского дневника». Это своего рода «сверхчеловек», полная противоположность «буржуазному» человеку — «обывателю». Именно в покорности русского человека, преклоняющего колени перед темной иконой, видит Рильке его «сверхчеловеческую» потенцию (об этом подробно говорится в его письме к Елене Ворониной от 27 июля 1899 года³³). «Вечный русский», человек-художник (ярчайший пример — Лев Толстой) воплощает для Рильке ту могучую творческую силу, что некогда переполняла Микеланджело. Задачи, которые годом ранее Рильке возлагал на великого итальянца, он передоверяет теперь русским людям, созидающим — в глубокой религиозности и неустанной молитве — собственного бога. И вот вывод, к которому приходит Рильке: русский народ — это «народ-художник»; а сама Россия — «страна будущего».

Таким образом, взору германского поэта предстал в России тот самый древний, наивный и цельный в своем мировосприятии народ, о котором писала Андреас-Саломе. Молодая страна, еще переживающая период «детства» и не затронутая разлагающим влиянием «перезрелой» западной цивилизации, — именно такая Россия вызывала у Рильке неподдельное восхищение. Культурной отсталости, темноты и невежества, в которых пребывала большая часть тогдашней России, Рильке словно не замечал или не хотел замечать, как и социального неравенства в русском обществе, униженности и бесправия многих русских людей. Более того: нищета и невежество свидетельствовали в глазах Рильке, скорее, о духовной «избранности» русских. Не случайно именно эпитет «темный» становится в языке Рильке наивысшей оценкой, выражением того коренного отличия, которое отделяет «потайного», чувственно, то есть иррационально, «душой» постигаемого русского Бога от «светлого» (умопостигаемого, рационального, зримо явленного) западного. Русский Христос, по Рильке, ничуть не похож на традиционного христианского Бога. Бог Запада уже пришел однажды на землю и — умер; русский Бог — еще впереди. Не случайно Рильке называет русского Бога, которому еще предстоит «свершиться», то есть явить себя миру коллективным усилием «народа-художника», — зреющим, становящимся (*werdend*).

«Трудно выразить, — писал Рильке в цитированном выше письме к Гуго Салюсу, — сколько молодости в этой стране и сколько будущего. Кажется, ее дворцы и церкви еще только поднимутся когда-нибудь — однажды!»³⁴. А 20 мая (3 июня) 1899 года он пишет пражскому литератору Эмилю Фактору: «Уже пять недель, как я нахожусь в России, словно на родине моих самых неуловимых желаний

³³ Рильке и Россия. С. 153–157.

³⁴ *Rilke R. M. Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit 1899 bis 1902.* S. 12.

и неясных мыслей. И уже в Москве я сразу заметил: вот она, страна незавершенного Бога, где из каждого людского жеста струится, как бесконечная благодать, теплота Его созревания»³⁵.

И все же главным итогом первой встречи Рильке с Россией следует признать не столько ощущение и обретение Бога, сколько тот могучий творческий импульс, которым сопровождалось это чувство. Поэту открылась «новая красота», и он почувствовал в себе силы выразить ее в словесных образах. Подобно простому русскому человеку, каким он представлялся Рильке, германский поэт в полной мере (и, по его словам, впервые в жизни) ощутил себя «творцом», способным к созиданию «божественного». Идеал художника, запечатленный на страницах «Флорентийского дневника» и очерченный в трех статьях «Об искусстве», обретал, казалось, воплощение в его собственном — более зрелом — творчестве.

«...Мое пребывание в России, — писал Рильке своей знакомой Фриде фон Бюлов 27 мая (8 июня) из Петербурга, — я воспринимаю как странное продолжение той флорентийской весны, о воздействии и влиянии которой я тебе рассказывал. Благоприятное стечение обстоятельств позволило мне продвинуться дальше и глубже, подвело меня к следующим вещам, к большей простоте и наивности. Флоренция кажется мне теперь лишь подступом и подготовкой к Москве, и я благодарен судьбе за то, что мне суждено было познакомиться с Фра Анжелико, прежде чем я увидел нищих и молящихся перед Иверской Богородицей, которые с одинаковой силой созидают, коленапреклоненные, своего Бога и наделяют его снова и снова своим страданием и своей радостью (этими мелкими неопределенными чувствами), поднимают его утром вместе с веками глаз и легко опускают вечером, когда усталость разрывает их молитвы, словно ленты, соединяющие венки из роз. Строго говоря, во всем новом (стране, человеке или вещи) всегда ищешь такого внешнего выражения, которое помогло бы тебе проникнуться еще большей силой и зрелостью. <...> И я чувствую в эти дни, что русские вещи сумеют одарить названиями те боязливейшие частицы моего смиренного существа, которые с самого детства стремятся перейти в мое искусство!...»³⁶

Более лаконично эта мысль выражена в письме Рильке к его русской приятельнице Е. М. Ворониной, написанном 9 июня 1899 года — за неделю до отъезда из России: «Я чувствую, что русские вещи становятся лучшими образами и названиями для моих собственных чувств и мыслей. И что с их помощью — как только я глубоко их постигну — я смогу выразить все, что рвется к ясности и звучанию в моем искусстве»³⁷.

³⁵ Немецкий литературный архив (Марбах, Германия).

³⁶ *Rilke R. M. Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit 1899 bis 1902.* S. 16–17.

³⁷ Рильке и Россия. С. 147.

Из этих слов опять-таки видно, что Россия, столь пленившая воображение поэта, не была в его глазах исключительно той пресловутой «святой страной», которой имели обыкновение умиляться иностранцы. Подобно тому как русский народ воспринимался им не только как «богоносец», но и как «художник», точно так же сама Россия оказалась для Рильке не только «святой Русью», но и — «страной-сказкой», впервые обретенным эстетическим идеалом, выросшим из религиозно-философских исканий поэта и ими проникнутым. В цитированном письме к Е. М. Ворониной от 9 июня есть слова о том, что Россия — «последний укромнейший уголок в сердце Господа, все его прекраснейшие сокровища — там. И они не разбросаны повсюду, праздные и покрытые пылью, — они служат той глубокой набожности, из которой возникали испокон веков чуда и произведения искусства»³⁸. Религиозный момент полностью сливается с эстетическим, бог — с «вещью»³⁹. Отсюда берет начало и повышенный интерес поэта к русским «вещам», в особенности — к православным крестам и иным реликвиям, которые, по его собственному признанию, становятся не предметами поклонения, а лишь «образами и названиями».

Особо следует сказать об отношении Рильке к русской иконе, в которой он — вслед за Л. Андреас-Саломе — видел образец «истинно русского» искусства (уже на другой день после приезда в Москву Рильке и Лу покупают икону). Икона, по мнению поэта, — не картина, а именно «образ», в котором лик божества становится «красотой». В отличие от западноевропейских художников, писавших яркими красками Бога и Богородицу, создатели «темных» русских икон стремились не показать, а напротив — «утаить» Бога. Ибо Бог — это неувидимое и невыразимое начало, которое нельзя созерцать глазами, а можно лишь пережить, ощутить сердцем.

«Мое искусство стало сильнее и богаче на целую необозримую область, и я возвращаюсь домой во главе длинного каравана, поблескивающего добычей», — таков итог первого знакомства Рильке с Россией⁴⁰. Рильке мог бы добавить: возвращаюсь домой со своей новой родиной. Отныне Германия для него — лишь дом и очаг (Heim), тогда как Россия — духовная родина (Heimat).

³⁸ Там же. С. 146.

³⁹ Слово «вещь» — одно из важнейших в словаре Рильке — выражало для него уже в конце 1890-х гг. внешнюю оболочку предметного мира, в котором поэт мистически прозревал «духовное»; вещь — сосуд, наполненный невидимым содержанием, оболочка, скрывающая «незримое»; в каждой вещи таится божественное, то есть красота. Поэтому не раз и столь привычно поэт говорил о «русских вещах».

⁴⁰ Из письма к Е. М. Ворониной от 9 июня 1899 г. (Рильке и Россия. С. 147).

По возвращении в Германию для Андреас-Саломе и Рильке наступает деятельный период: помышляя о новой, более продолжительной поездке в Россию, оба старательно изучают ее язык, историю и культуру. 27 июля Рильке пишет Ворониной, что проводит время «в обществе русской грамматики», читает в оригинале Пушкина и Лермонтова, а Достоевского, Толстого и Гаршина — по-немецки⁴¹.

В последние дня июля Рильке и Андреас-Саломе приезжают в Биберах (под Мейнингеном), куда их пригласила на отдых Фрида фон Бюлов. Отдохнуть, однако, не удается: оба заняты с утра до вечера — читают, конспектируют, увлеченно обсуждают прочитанное. «За время шестинедельного соседства с Лу и Рильке, — жаловалась Фрида фон Бюлов в одном из писем, — я общалась с ними крайне мало. После долгой поездки в Россию, которую они проделали этой весной (вместе с мужем Лу), они душой и телом отдались изучению всего русского и дни напролет штудировали язык, литературу, историю, искусство и культуру России с таким феноменальным усердием, словно им предстояло выдержать страшный экзамен»⁴².

С этими «усердными штудиями» связано несколько произведений Рильке, написанных в Мейнингене; первое из них — «Знаменская» — посвящено иконе Божией Матери «Знамение». Тогда же, в Мейнингене, написано пять стихотворений, которые составят впоследствии цикл «Цари». Былинные персонажи Ильи Муромец и Соловей Разбойник соседствуют в этом цикле с историческими: «бледный царь» Федор Иоаннович, последний из Рюриковичей, восседающий среди бояр в кремлевских палатах; за ним — неясная тень его отца Ивана Грозного. Насыщенные яркими красочными деталями царского быта XVI века, которыми любовался Рильке в московском Кремле или Доме бояр Романовых, эти стихи передают сложившееся к тому времени восприятие поэтом России и русской истории. Так, в Илье Муромце, пробудившемся после векового сна, угадывается символ великой «немой» страны, которая, по убеждению Рильке, «затаилась» в ожидании своего великого будущего; царь-монах Федор, склонившийся перед Знаменской и словно слившийся с ней (последнее стихотворение цикла), видится Рильке неким теократическим монархом, главою Третьего Рима. При этом следует помнить, что Рильке не слишком стремился к исторической достоверности: русскими реалиями он пользуется скорее как поэт; они для него — «образы и названия»; например, царизм для Рильке, в первую очередь, — царственность, великолепие и роскошь убранства, красота «вещей».

⁴¹ Там же. С. 153, 156.

⁴² Цит. по: *Rilke R. M. Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit 1899 bis 1902. S. 420* (письмо от 20 сентября 1899 г. без указания адресата).

Стихотворение «Знаменская», стихи о былинных героях и русских царях — своего рода преддверие к другому стихотворному циклу, в котором русские впечатления Рильке (в первую очередь — его религиозные переживания) отразились более глубоко и полно. Этот цикл, созданный уже после Мейнингена (в Шаргендофе под Берлином) с 20 сентября по 14 октября 1899 года, составит позднее первую часть «Часослова», названную «Книга о монашеской жизни».

Бог — центральное понятие, средоточие и ядро поэтического космоса Рильке. Это — извечное иррациональное начало, разлитое в мире и сокрытое в его глубине; он соткан из противоречий, вездесущ, неуловим и изменчив; он постоянно отрицает самого себя. Подобно богу «Видений Христа», бог «Часослова» постоянно меняет свой облик. Он — человек и одновременно вещь, он внутри человека и вне его, он может быть добрым и злым, творцом и разрушителем. Этот Бог неясен, неразличим и неназываем. Он — символ, «лес противоречий»⁴³, свидетельство вечных и неразрешимых антиномий жизни. Такого противоречивого «темного» Бога и преисполнен, как виделось Рильке, благочестивый и набожный русский человек-художник. Он общается с этим богом, совершая поклоны и вознося молитвы. Он — его сосед и ближний. Отличительный признак первой части «Часослова» — теснейшее переплетение мистического и эстетического элементов на русской почве. Наблюдая прежде всего обрядовую, то есть «эстетическую» сторону православия, Рильке усматривал в испуганно молящихся русских людях родственное ему ощущение жизни как темной слепой стихии. Молитвы русского человека, идущие, по убеждению Рильке, «из глубины», «от сердца», звучали для него как чистая поэзия — не случайно отдельные стихотворения «Книги о монашеской жизни» назывались в первоначальной редакции «молитвами», а между ними был вставлен авторский текст, комментирующий внутреннее полужэкстатическое состояние русского инок-иконописца, каким ощущал себя Рильке в дни создания этих стихотворений.

Прозаической параллелью к «Часослову» могут служить «Истории о Господе Боге», созданные Рильке в ноябре 1899 года. Адресованная «взрослым для детей», эта книга, написанная простым ясным языком, была задумана как серия новелл о весьма серьезных «вещах», в том числе — русских. Отражая видение России, которое вынес Рильке из своей поездки 1899 года, «Истории...» во многом перекликаются с «Часословом». И хотя тематически к России относятся только три «истории» («Как завелась на Руси измена», «Как старый Тимофей пел, умирая» и «Песнь о Правде»), русский фон и «русский бог» ощутимы и в других новеллах («Почему Господу

⁴³ Из стихотворения «Du bist der Tiefste, welcher ragte...» («Ты — глубочайший, ты — превыше...») (SW I, 283).

Богу угодно, чтобы были на свете бедные», «Как наперстку удалось стать Господом Богом» и др.).

О России как богоизбранной стране речь идет в новелле «Как завелась на Руси измена»; именно в ней содержится фраза, ставшая со временем крылатой: «Россия граничит с Богом». Это соседство, сказано далее, «заметно решительно во всем. Влияние Бога мощное. Сколько ни приносят вещей с Запада, все европейские вещи обращаются в камни, как только переходят границу. Есть среди них и драгоценные камни, но только для богатых, так называемых “образованных”, тогда как оттуда, из иной страны, приходит хлеб, которым живет народ»⁴⁴. Мысль о том, что Запад чужд и даже опасен для России, что русский народ кормится «божьем хлебом» и т. п., Рильке впоследствии повторит не раз в своих статьях и письмах. Но этого мало. Выясняется, что в России «от Бога идет и многое другое. Кажется, что все новое идет оттуда: каждое платье, каждое кушанье, каждая добродетель и даже каждый грех должен быть одобрен Богом и потом лишь входит в обычай»⁴⁵.

Одна из «Историй» («О человеке, который слушал камни») иллюстрирует занимавшую Рильке тему отношений Бога и человека-творца. Ее герой, Микеланджело, предстает, с одной стороны, как воплощение истинного художника, творящего для будущих поколений. Но, как и лирический герой «Часослова», он сознает в то же время свою беспредельную зависимость от Бога, свою «ничтожную малость» рядом с ним.

«Бог склонился ниже, нашел творящего человека, через его плечо глянул на его чуткие руки, охватившие камень, и испугался: разве и в камнях есть души? Почему это человек слушает камни? Вот руки его вострепнулись и потревожили камень, словно гробницу, в которой трепещет слабый умирающий голос. “Микеланджело, — вскричал Бог в испуге, — кто это в камне?” Микеланджело прислушался, руки его дрожали. Потом он глухо ответил: “Ты, Бог мой, кто же еще? Но мне не добраться до тебя”. И тогда почувствовал Бог, что он есть и в камне, и стало ему боязно и тесно. Все небо было как один камень, и он был скрыт в этом камне, и мог надеяться лишь на руки Микеланджело, которые когда-нибудь его освободят; он слышал, как они приближаются, но еще издалека»⁴⁶.

Но вот Микеланджело чувствует, что Бог заключен не только в камне, но и в нем самом; им овладевает желание уединиться и преклонить колени перед своим Богом. В этот миг великий итальянец приобретает черты русского человека, каким его видел Рильке, —

⁴⁴ Цит. по: *Рильке Р. М.* Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М., 1971. С. 396 (перевод Е. А. Огневой).

⁴⁵ Там же. С. 397.

⁴⁶ SW IV, 347.

смирненного «богоносца». «Он чувствовал в себе неведомую доселе кротость и желание сделаться как можно меньше. И раздался голос: «Микеланджело, кто это в тебе?» И человек в узкой комнате тяжело склонил голову на ладони и тихо сказал: «Ты, Бог мой, кто же еще»»⁴⁷.

Художник-творец — главная фигура в двух «русских» историях книги: «Как старый Тимофей пел, умирая» и «Песнь о Правде». Каждая из них повествует о народных певцах, рапсодах.

Интерес Рильке к русскому народному творчеству естественно вытекал из его представления о русском народе как творце. В обрядах и песнях русского народа Рильке стремился отыскать элементы, восходящие к язычеству с его пантеистическим мироощущением. С особым интересом изучал Рильке русские былины и «Слово о полку Игореве», которое он впервые прочел по-русски в начале 1900 года. Народные певцы, сказители-кобзари, предшественником которых был легендарный Боян, особенно привлекали к себе внимание германского поэта. Россия, по его мнению, переживает еще золотой век детства, и эти неграмотные певцы, передающие новым поколениям древние полузабытые мелодии, — подлинны, «наивные» поэты. Их искусство — так верилось Рильке — живет и поныне благодаря теснейшей связи, которая существует в России между исполнителем и слушателем.

О народных певцах упоминается и в статье «Русское искусство», написанной в первые дни января 1900 года. Вспоминая о «древнейших сказаниях», которые пели «дрожащим голосом» седовласые старцы, Рильке утверждает, что русский Гомер «умер совсем недавно»⁴⁸ — в семидесятые годы XIX века (то есть тогда, когда в России стали широко записывать и публиковать произведения устного народного творчества). Именно через певцов-кобзарей, утверждает Рильке, Россия поныне соприкасается со своим прошлым.

Вторая часть этой примечательной статьи посвящена художнику В. М. Васнецову, который во время первого путешествия заслужил для Рильке остальных русских мастеров. Кроме того, на мнение Рильке, возможно, повлияли суждения, которые ему приходилось слышать от своих русских собеседников, либо читать на страницах «Мира искусства» или других изданий, восторженно писавших о В. М. Васнецове (особенно после его персональной выставки в петербургской Академии художеств в феврале 1899 года). В Васнецове Рильке восхищали (наряду с религиозной стороной его живописи, подтверждавшей, по убеждению поэта, «что русский бог еще жив») тяготение к древнерусским сюжетам, умение преодолеть иноземные влияния и работать «чисто русскими средствами». Впрочем, толкование васнецовских «Богатырей» (в письме к Ворониной от 27 июля

⁴⁷ Там же. С. 349.

⁴⁸ См.: Рильке и Россия. С. 608.

1899 года и в статье «Русское искусство»⁴⁹) показывает, сколь наивно и произвольно воспринимал Рильке творчество этого художника.

С осени 1899-го до весны 1900 года (вплоть до второй поездки в Россию) Рильке почти безвыездно живет в Шмаргендорфе. Свои комнаты он украшает реликвиями, вывезенными из России (ларцами, крестами, иконами и пр.), создавая таким образом «благочестивый русский уголок»⁵⁰, своего рода «келью», соответствующую монашескому идеалу «Часослова». Видимо, о том времени и вспоминала Андреас-Саломе, сообщая, что Рильке нередко помогал ей готовить обед, «особенно если ожидалось одно из его любимых блюд: русская каша в горшочке или же борщ». «В своей синей русской рубашке с красным узором, — пишет далее Лу, — он помогал мне: колот дрова или вытирал посуду; при этом мы могли без помех продолжать разнообразные наши занятия, касавшиеся многих тем. Всего усердней занимался он, давно погруженный в русскую литературу, русским языком и изучением страны, тем более что мы всерьез задумали совершить большое путешествие»⁵¹.

Интерес Рильке и Андреас-Саломе к России получает в это время новый толчок — они знакомятся с русской писательницей Софьей Николаевной Шиль, преподавательницей московских Пречистенских курсов (для народа). С конца декабря 1899-го по февраль 1900 года они часто встречаются с «Шильхен», которая помогает им в занятиях русским языком и литературой. Общие интересы способствуют быстрому сближению. Расставаясь, все трое договариваются о встрече в Москве. Завязавшаяся между ними переписка составляет существенную часть «русской рилькеаны»: многие чрезвычайно важные суждения Рильке о России и русской литературе вылились из-под его пера именно в письмах к Шиль; к ней обращено и замечательное письмо Рильке от 2 июня 1900 года, рассказывающее о встрече с Толстым⁵².

От Софьи Шиль Рильке узнает новые для него имена русских поэтов, в частности, — Тютчева. Однако более важные последствия имело для него знакомство с другим поэтом, хотя и несоизмеримым по своему значению с Тютчевым, — Спиридоном Дрожжиным. Получив от Шиль стихотворные сборники Дрожжина, Рильке сразу же почувствовал к нему интерес. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что сообщила ему Шиль о самом Дрожжине. Живущий в глухой деревне, пахущий землю и одновременно пишущий стихи

⁴⁹ Там же. С. 156 и 613–614.

⁵⁰ Из письма к Е. М. Ворониной от 17 сентября 1899 г. (Рильке и Россия. С. 165).

⁵¹ *Andreas-Salomé L. Lebensrückblick. Grundriss einiger Lebenserinnerungen.* S. 116–117.

⁵² См.: Рильке и Россия. С. 234–239.

крестьянин полностью соответствовал тому представлению о подлинном русском, что сложилось к 1900 году у Рильке.

Увлечение стихами Дрожжина несомненно стимулировалось у Рильке и вниманием к фольклору, этнографии и народным обрядам России. Не случайно он сразу же отметил в его стихах «движение танцующих групп и дрожь балалайки», а также связь поэзии Дрожжина с «временем былин и песен»⁵³. Сохранилась характерная запись, сделанная Рильке в марте 1900 года (по поводу книги Ницше «Рождение трагедии»): «Разве не дионисийская стихия движет русским хороводом? В то время как сидящие своим пением воскрешают, тяжело и весомо, былинные образы, врывается, сметая любые преграды, вал песен, который влечет и поглощает кружащихся в кольце хоровода»⁵⁴. Сближая русский народ с древними языческими народами, Рильке, подобно Андреас-Саломе, рассматривает хоровод как обрядовое оргиастическое таинство, в котором человек общается со своим Богом.

Свое специфическое видение России Рильке сохранит до конца жизни. Богоизбранная страна, наивный и набожный народ-художник и русский бог, что явится однажды в будущем, — таков был идеальный образ, сложившийся у поэта в 1899–1900 годах и созданный преимущественно его поэтической фантазией. Подтверждение этой «новой красоте» Рильке находил, как ему казалось, повсюду: и в русском ландшафте, и в русских писателях (Лев Толстой, Дрожжин), и в русских художниках (В. М. Васнецов).

Впрочем, перечень русских художников, которыми восхищается Рильке накануне второй поездки, уже не ограничивается именами Васнецова и Репина. Поэт открывает для себя и других живописцев, которые, как ему казалось, глубоко выразили «русскую сущность»: А. А. Иванова и И. Н. Крамского (в один ряд с ними Рильке ставил порой и Ф. А. Васильева). Автор «Видений Христа» и «Историй о Господе Боге», ценит Иванова и Крамского прежде всего за то, что оба писали *своего* Христа. В письме к Л. О. Пастернаку от 10 апреля 1900 года Рильке сообщает, что собирается использовать свое предстоящее пребывание в России для того, чтобы написать о каждом из этих художников отдельное эссе — «воздать им должное». Ведь говоря о них, продолжает Рильке, «мы говорим о русском и, быть может, самом русском искусстве»⁵⁵. Особой притягательностью для Рильке обладала фигура А. А. Иванова; некоторые обстоятельства жизни этого художника — одинокого и терпеливого «предтечи», не понятого современниками, сосредоточенного в течение многих

⁵³ Из писем Рильке к С. Н. Шиль от 23 февраля и 5 марта 1900 г. (Рильке и Россия. С. 182 и 193).

⁵⁴ SW VI, 1175.

⁵⁵ Рильке и Россия. С. 213.

лет на своем единственном главном произведении — вполне отвечали его представлениям о «подлинном русском».

Терпеливость, умение ждать грядущего Бога — это «русское» свойство имело для Рильке особое значение. Не раз писавший о «замедленной природе своего сознания»⁵⁶, Рильке и сам подолгу ожидал приближения «божества» (иначе — творческого вдохновения), чтобы затем с поразительной быстротой, в течение буквально нескольких дней, создавать большие стихотворные циклы или прозаические произведения, скажем, «Книгу о монашеской жизни» или «Истории о Господе Боге» (позднее — «Сонеты к Орфею»). Художник должен быть терпелив, — повторял Рильке. Известно его высказывание о том, что поэт должен всю жизнь искать в ней «смысл и сладость», чтобы в конце концов написать десять удачных строк⁵⁷. Можно предположить, что именно Россия внутренне подготовила Рильке к такому пониманию творчества. В этой глубокой сфере своего существа он мог (после 1899 года) опереться на опыт «много-терпеливой» русской страны, испытывая к ней воистину чувство близости и благодарности. Отсюда — искренность и убежденность его слов о том, что Россия стала для него «основой» и «опорой», что «в русской жизни» (*im russischen Wesen*) он «познал и постиг самое родное» (*das Vertrauteste*)⁵⁸ и т. п.

Пытаясь обобщить, чем стала для него в те годы Россия, поэт напишет через несколько лет:

«Россия была реальностью и вместе с тем глубокой повседневной уверенностью, что эта реальность — нечто далекое, бесконечно медленно приближающееся к тем, у кого есть терпение. Россия — страна, где люди одиноки и каждый, словно гора, полон темноты, глубок в своей покорности, лишен страха оказаться униженным и, значит, благодатив. Люди, полные дали, неясности и надежности: люди созревающие. И надо всем этим — никогда не выявляющий себя до конца, вечно меняющий свой облик, нарастающий Бог»⁵⁹.

⁵⁶ Из письма Рильке к М. Цветаевой от 17 мая 1926 г. (Небесная арка. Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке / Подготовил К. Азадовский. Издание второе. СПб., 1999. С. 73).

⁵⁷ См.: *Рильке Р.-М. Заметки Мальте-Лауридс Бригге*. Перевод Л. Горбуновой. М., 1913. С. 20.

⁵⁸ Из письма к Аните Форпер от 22–24 марта 1920 г. (*Rilke R. M. Briefe in zwei Bänden. Zweiter Band 1919–1926* / Hrsg. von Horst Nalewski. Frankfurt a. M. und Leipzig, 1991. S. 62).

⁵⁹ Rainer Maria Rilke — Ellen Key. Briefwechsel. S. 52 (письмо от 14 февраля 1904 г.; ответ на анкету).

Вторая поездка Рильке и Лу Андреас-Саломе в Россию (с 9 мая по 22 августа 1900 года), началась, как и годом ранее, в Москве. В своих поздних воспоминаниях Софья Шиль создаст живописный портрет обоих путешественников, относящийся к маю 1900 года:

«Интересную парочку представляли собой друзья. Крупная и немного грузная фигура Луизы Густавовны в одежде *réforme* собственного шитья и странного цвета — и рядом тонкий, среднего роста молодой поэт в куртке с многочисленными карманами, в оригинальной войлочной шляпе. <...> Эта парочка бродила по Москве, по Арбату, по переулкам и закоулкам, взявшись за руки, по-детски, и вызывала улыбки и оглядывание. Но они не смущались.

Они часто заходили пить чай в трактиры для грузчиков, чтобы послушать их речи и поговорить. Пропадали по утрам в картинных галереях и музеях. Бывали во время службы в церквях. Толкались на Сухаревке, на Смоленском. Уходили в самые глухие местности города. Их не смущала ни грубость наша, ни грязь, ни нищенские лачуги. Всюду они разговаривали с народом, и всюду их встречала — как они потом рассказывали — добродушная готовность быть приятным, откровенность и дружелюбие. Они всюду искали подлинный лик России»⁶⁰.

С.Н. Шиль помогает Рильке и Лу обзавестись новыми знакомствами в среде московской интеллигенции. «Антибуржуазность» поэта и его приятельницы, их тяготение к простому народу, любовь к русской культуре — все это не могло не импонировать либерально настроенным и европейски образованным русским людям в окружении С.Н. Шиль. Впрочем, встречи, беседы и чаепития немецких гостей с москвичами нередко сопровождались спорами и разногласиями. Между либерально-народническими настроениями С.Н. Шиль и ее знакомых, не жалевших сил для просвещения народа, и русофильством Рильке и Андреас-Саломе, ценившим русского крестьянина прежде всего за «наивность» и «темноту», была, разумеется, пропасть. Упорное нежелание Рильке видеть русское «рабство», грязь и нищету русской деревни, постоянная умиленность всем русским, естественно, смущали и даже раздражали его собеседников, которые пытались — увы, безуспешно! — переубедить поэта и его спутницу. «Они видели в народе все чистое и ясное, — вспоминает Софья Шиль, — и это была истина. Но они не хотели видеть другой, столь же истинной правды о том, что народ гибнет в бесправии, в нищете, в невежестве; что в нем вырастают пороки рабов: лень, грязь, обман, пьянство. Когда мы говорили об этом с глубокой скорбью, мы чувствовали, что это неприятно нашим друзьям...»⁶¹

⁶⁰ Шиль С.Н. Райнер Мария Рильке // Рильке и Россия. С. 577–578.

⁶¹ Там же. С. 580.

«Подлинный лик России», отчасти стершийся для Рильке и Андреас-Саломе во время их пребывания в Киеве (этот город, подобно Петербургу, показался им слишком «европейским»), начал проступать для них в Саратове — первом волжском городе, куда они прибыли 23 июня 1900 года. Последовавшее затем волжское путешествие (на пароходе) стало апогеем их сближения с Россией.

Сохранившийся «Русский дневник» Лу Андреас-Саломе (впервые изданный в 1992 году⁶²) достоверно передает то почти мистическое чувство, что овладевало ею при виде волжских просторов, лесов и равнин, раскинувшихся по берегам, маленьких причалов, к которым время от времени приставал пароход, низеньких крестьянских изб, виднеющихся на горизонте. В ландшафте, открывшемся ее взору, Лу различала прекрасный образ, некогда знакомый и давно утраченный, — страну своего «детства». К ней словно возвращалось однажды утраченное ощущение божественного. Волжское путешествие оказалось для нее таким же «возвращением на родину», каким стала для Рильке русская Пасха в апреле 1899 года. «Здесь бы я хотела остаться!» — восклицает Лу, признаваясь в своей любви к Волге. Великая русская река становится для нее воплощением России. В отличие от Рильке, Андреас-Саломе стремится не столько «выразить» свои впечатления, сколько их «додумать», дать им рациональное обоснование. Она пишет о гармоничности и цельности волжского пейзажа, выражающего, по ее мнению, русскую натуру, о «сочетании задушевности и простора», о близости к Азии, где — в отличие от «шумного» западного мира — преобладают «немота и глубокая тишина». Именно эту азиатскую, «темную» и «немую» Россию Лу готова была принять в свое сердце: «Моя любимая, любимая родина, целиком и насквозь!»⁶³

Сходными чувствами был охвачен в те дни и Рильке. Необозримый волжский простор воспринимался им как первозданный доисторический мир, как вечный («божественный») пейзаж, неподвластный времени и не затронутый современной цивилизацией. «Все, что я видел до этого, — писал он 31 июля 1900 года, — было лишь образом страны, реки, мира. Здесь же все подлинно. У меня чувство, будто я созерцал работу Творца»⁶⁴.

Впоследствии Рильке не раз возвращался памятью к своему волжскому плаванью. «Он рассказывал о России, — вспоминает княгиня фон Турн унд Таксис в своей книге о Рильке, — и рассказ его производил сильное впечатление; он говорил о пустынных про-

⁶² *Andreas-Salomé L. En Russie avec Rilke. Journal inédit / Texte établi par Stéphane Michaud et Dorothee Pfeiffer. Traduction de l'allemand, notes et essai introductif de Stéphane Michaud. Paris, 1992 (нем. изд. — Marbach, 1999).*

⁶³ Цит. по: Рильке и Россия. С. 260.

⁶⁴ *Rilke R. M. Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit 1899 bis 1902. S. 231–232.*

сторях Волги, когда целыми днями плывешь по реке и вдруг среди необозримо широких равнин, объятых меланхолией, вырастает гигантский лес — “вырастает как ночь”⁶⁵

Путешествие по Волге завершается в Ярославле 2 июля. Три дня Рильке и Лу проводят в деревне Кресто-Богородское, расположенной в нескольких верстах от города, на высоком холме, с которого открывался живописный вид на Волгу, Ярославль и окрестные селения. Идеал «естественной жизни», намеченный на страницах «Флорентийского дневника», осуществляется, наконец, в действительности. «Я провел три дня в маленькой избе, живя как крестьянин среди крестьян, — рассказывал Рильке матери (письмо от 6 июля). — Я спал без постели и делил с хозяевами скудную пищу, для которой они лишь изредка находили время в часы своей тяжелой работы. Погода стояла хорошая, что придавало примитивному образу жизни особую прелесть, а материальная скудость вполне отвечала моим незначительным запросам»⁶⁶

Пытаясь до предела «опроститься», Рильке и Лу достигают в те дни, как им кажется, предельной близости к русским людям. Лу подробно описывает их в «Дневнике»: Макарову, хозяйку деревенского дома, который они сняли на несколько дней, ее дочь Гринку, ярославского извозчика и других. Общение с «Макаровой» окончательно утвердило Рильке и Андреас-Саломе в восприятии русского человека, якобы не утратившего — в отличие от западных людей — особой теплоты человеческих отношений: от сердца к сердцу. Все, что рассказывает крестьянка, наполняет Лу умилением и радостью: «Я не устаю слушать ее рассказы». Макарова же, видимо, почувствовала, что больше всего волнует ее гостей, и, прощаясь с гостями, произнесла фразу, которая стала для обоих драгоценным подарком: «Ты тоже простой народ»⁶⁷.

18 июля Рильке и Андреас-Саломе приезжают в деревню Низовка Тверской губернии, где жил С. Д. Дрожжин. Посещение Дрожжина предусматривалось при составлении маршрута путешествия — еще весной 1900 года Софья Шиль заочно рекомендовала ему своих немецких друзей. В Низовке Рильке и Лу проводят пять дней: знакомятся с семьей Дрожжина, слушают его стихи и совершают прогулки по окрестностям, любясь волжским пейзажем.

Лу Андреас-Саломе в своем дневнике отмечает ряд новых для нее бытовых деталей в повседневной крестьянской жизни: «То соседствуешь со зверями в хлеву, занимающем по крайней мере половину

⁶⁵ *Thurn und Taxis-Hohenlohe M. von. Erinnerungen an R. M. Rilke. München, 1933. S. 12.*

⁶⁶ Цит. по: *Brutzer S. Rilkes russische Reisen. S. 6*

⁶⁷ См.: Рильке и Россия. С. 264, 265 (последние слова в дневнике Л. Андреас-Саломе записаны по-русски).

избы <...> ... с березового ствола, положенного наискось, свешивается импровизированная люлька для внука. В хлеву находится умывальный: на веревке висит глиняный кувшин с двумя отверстиями, и когда его наклоняешь, из него льется вода». Она отмечает (Рильке вряд ли обратил бы на это внимание!), что жена поэта-крестьянина «работает от зари до зари» и «не в состоянии проглотить кусок от переутомления». Впрочем, Лу Саломе, обладая, бесспорно, большей наблюдательностью, чем ее восторженный друг, не уступала ему по части обобщений и мифотворчества. Находясь в Низовке, она восхищенно пишет о «глубокой тишине», которой окружена жизнь русской деревни, о «несказанном достоинстве» русских крестьян («Как трогательны и обаятельны эти люди в своей простоте и силе...») и о главной их добродетели — покорности («...тяжелая жизнь выливается в какое-то молитвенное смирение»⁶⁸). В этом взгляды ее и Рильке полностью совпадали.

Дрожжин знакомит своих гостей с живущим по соседству помещиком Н. А. Толстым (тверская ветвь рода Толстых); патриархальный жизненный уклад, царящий в этой семье, несказанно восхищает обоих. В письме к матери Рильке рассказывает 25 июля, что «эта ветвь Толстых является исконно русской, очень консервативной и глубоко религиозной, так что все события в этой семье связаны с какими-нибудь чудесами, таинственными молитвами и тихим их осуществлением»⁶⁹. Излишне напоминать, что именно эти черты соответствовали представлениям Рильке и Андреас-Саломе о русской жизни и потому находили у них восторженный отклик.

Сфотографировавшись на прощанье в имении Толстых (фотография, на которой запечатлены братски обнявшиеся Рильке и Дрожжин, станет со временем хрестоматийной), Рильке и Лу отправляются в Петербург — с краткой остановкой в Великом Новгороде. На этом, собственно, и завершается знакомство поэта с патриархальной Россией, обогатившее его незабываемыми впечатлениями. В своих воспоминаниях М. фон Турн унд Таксис рассказывает, со слов Рильке, о днях, проведенных им в русской деревне (причем впечатления от путешествия по Волге, пребывания в Кресто-Богородском, Низовке и Новинках явно смешиваются в этом рассказе):

«Затем — его знакомство с русскими крестьянами и жизнь среди них, библейское их величие, фатализм, печаль их песен, крестьянский поэт, который пожелал сфотографироваться рядом с Рильке, старая бабушка, благодарившая Бога за то, что ей перед смертью посчастливилось принять гостя; и женщина помоложе, еще довольно красивая крестьянка, которая, стоя в дверях заброшенной избы, где ночевал Рильке, в деревне, затерявшейся среди равнины,

⁶⁸ Цит. по: Рильке и Россия. С. 277–280.

⁶⁹ Цит. по: *Brutzer S. Rilkes russische Reisen. S. 9.*

рассказывала ему о своей жизни с такой простотой и торжественностью, что поэт отнесся к ней как к равной себе и говорил с этой незнакомой женщиной, которую видел впервые в жизни и, разумеется, никогда не видел потом, как не разговаривал прежде ни с одним человеком...»⁷⁰

Знакомство, хотя и поверхностное, с русской простонародной жизнью окончательно укрепило в Рильке и Лу ощущение братской страны. Искреннее радушие, с каким встречали их, иностранцев, и в московских интеллигентных домах, и в крестьянских избах, воспринималось ими как проявление особой религиозности, свойственной, по их мнению, всем русским, в основе которой — чувство братской связи между людьми. Гостеприимство «Макаровны», Дрожжина, Толстых, участливое внимание, ласковая опека — все это создавало у Рильке и Андреас-Саломе впечатление человеческого равенства (столь недостававшего, по их мнению, западной жизни). Человек, а не его имущественное положение — вот главное (казалось обоим), что определяет отношения между людьми в России.

Так, «богоносный» русский народ-художник превращался в глазах Рильке и Андреас-Саломе в некое избранное сообщество, где все связано чувством духовной близости и каждый открыт для каждого. «Братья в Боге», русские люди — братья и в отношениях друг с другом. (В цитированном выше письме к Аните Форрер Рильке упоминает в 1920 году о «русской земле и ее братских существах»⁷¹.) Бунтарский индивидуализм, присущий взглядам Рильке периода «Флорентийского дневника», существенно трансформируется под влиянием русских впечатлений: русский «сверхчеловек» становится для германского поэта носителем не только эстетических, но и этических ценностей.

«Россия была главным событием, — напишет Рильке незадолго до смерти, — потому что в 1899 и 1900 годах она не только открыла мне ни с чем не сравнимый мир, мир неслыханных измерений, но и дала возможность — благодаря своим человеческим свойствам — ощутить, что я, находясь среди других людей, посвящен в их братство...»⁷²

А в набросках 1921 года, известных ныне как «Завещание», Рильке, суммируя свой русский опыт, рассказывает о себе в таких словах:

«Невзгоды его детства привели к тому, что до конца второго десятилетия своей жизни он пребывал в убеждении, что одинок и в одиночку противостоит враждебному миру, ежедневно бунтует против превосходства всех остальных. Ложность таких представле-

⁷⁰ *Thurn und Taxis-Hohenlohe M. von. Erinnerungen an R. M. Rilke. S. 12.*

⁷¹ См. примеч. 60.

⁷² Письмо к «юной приятельнице» от 17 марта 1926 г. (*Rilke R. M. Briefe in zwei Bänden. Zweiter Band 1919–1926. S. 427.*)

ний могла породить — при всей искренности его порывов — лишь нечто болезненно искаженное. Россия — не путем долгих уговоров, а за ночь — буквально: за одну первую московскую ночь — бережно освободила его от злого волшебства прежней скованности. Без тщеславных помыслов и особых усилий, словно открыв его сердцу пору чистого созревания, привела ему страна-примирительница бесчисленные доказательства обратного. Как он верил ей! Как восхищался братством! И если он, даже осознавший эту созвучность, так и не смог продвинуться дальше (возможно потому, что ему не суждено было остаться на русской земле), он никогда ее не забудет, он помнит о ней, он пытается ее воплотить»⁷³.

6

Рильке действительно не суждено было остаться на русской земле, хотя после своей второй поездки он не раз задумывался о такой возможности. Однако разрыв с Лу (в феврале 1901 года), женитьба на Кларе Вестхоф, рождение дочери Рут, необходимость содержать семью и ряд иных обстоятельств коренным образом изменили течение его жизни. Переписка Рильке с русскими друзьями, весьма интенсивная в 1900–1901 годах, со временем затухает и сходит на нет. Не осуществленными оказываются и творческие замыслы, связанные с Россией (в частности, перевод на немецкий язык «Истории русской живописи в XIX веке» А. Н. Бенуа). «Русский период» в жизни Рильке завершается к осени 1902 года.

Но внутренняя связь сохраняется. Не отвергая опыта своих «русских лет», Рильке пытается осмыслить его с новых позиций, ввести в русло новых исканий, отмеченных прежде всего влечением к «форме». Пластическая манера Рильке 1900-х годов («Новые стихотворения») — не столько отказ от «молитвенной» лирики первого «Часослова», сколько своеобразное развитие предвещаний и принципов, сложившихся в годы его близости к России и Лу. Незадолго до смерти (в цитированном письме к «юной приятельнице»), Рильке пояснял: «Россия (Вы можете это видеть по книгам — скажем, “Часослову”) была до известной степени основой моего восприятия и опыта, точно так же, как, начиная с 1902 года, Париж — несравненный город — оказался исходным пунктом моего влечения к форме»⁷⁴.

Вновь и вновь, на протяжении многих лет, Рильке испытывает приступы ностальгической тоски по России. В письме к Лу Андреас-Саломе, написанном по приезде в Рим 15 августа 1903 года (их отно-

⁷³ *Rilke R. M. Das Testament. Edition und Nachwort von Ernst Zinn. Frankfurt a. M., 1974. S. 19.*

⁷⁴ См. примеч. 72.

шения к этому времени восстанавливаются и приобретают — до самой смерти поэта — дружески ровный характер), Рильке признается: «В Париже я невыразимо приблизился к России, а теперь мне кажется, что и в Риме, перед лицом античных вещей, я смогу готовиться ко всему русскому, чтобы однажды вернуться в эту страну»⁷⁵.

В своих письмах из Рима к Андреас-Саломе Рильке рассказывает о своих новых работах, в частности, — о переводе на немецкий язык «Слова о полку Игореве», которое он прочел в оригинале еще в феврале 1900 года. Перевод был начат в 1902 году в Париже, а закончен в Риме в марте 1904 года⁷⁶. Если не считать утерянных переводов «Чайки» и отрывка из «Бедных людей» Достоевского, эта работа — наиболее крупное достижение Рильке среди прочих его переводов с русского языка.

Там же, в Италии, в 1903 году Рильке окончательно завершает «Часослов» — главное произведение своего «русского периода». Вторая часть этой книги («О паломничестве»), насыщенная впечатлениями его путешествия по России летом 1900 года, была создана в сентябре 1901 года; третья часть («О бедности и смерти») — в апреле 1903 года. И хотя в третьей книге — в отличие от первых двух — отсутствуют образы, навеянные Россией, сама «бедность» для Рильке — такая же неотъемлемая русская примета, как «смирение» или «темнота», в то время как противопоставленное ей «богатство» — символ современной западной цивилизации. «Скудость», подобно «одиночеству» и «тишине», — условие творческого состояния. Рильке возвеличивает бедность, и порою кажется, будто он продолжает спор со своими русскими знакомыми из круга либеральной интеллигенции, убеждавшими его в том, что Россия гибнет в нищете и невежестве. Книга «О бедности и смерти» заканчивается прославлением святого Франциска Ассизского, проповедовавшего опрощение и единение с природой.

Летом 1903 года вторая и третья книги «Часослова» были переписаны автором набело для Андреас-Саломе. А на титульном листе первого издания (в конце 1905 года) стояло посвящение: «Вложено в руки Лу».

Письма Рильке к Андреас-Саломе свидетельствуют также о том, с каким неослабевающим вниманием следил Рильке за всеми поворотами и событиями русской истории. Тяжелейшее впечатление произвела на поэта разразившаяся в 1904 году русско-японская война — своей тревогой и болью за Россию поэт делится с Лу в пись-

⁷⁵ Рильке и Россия. С. 511.

⁷⁶ Первая полная публикация состоялась в 1949 г. См.: R. M. Rilke's Translation of the «Igor's Song» (Slovo) / With Introduction and Notes by André von Gronicka // Russian Epic Studies. Philadelphia, 1949. P. 179–202 (Memoirs of the American Folklore Society. Vol. 42).

мах от 17 и 31 марта 1904 года. «Война — наша война — тяготит меня почти физически...» — восклицает он в последнем письме⁷⁷. Еще большее сострадание к любимой стране сквозит в его письме от 16 августа 1904 года: «Теперь, когда Россия навлекает на себя одно несчастье за другим, все касающееся меня самого видится мне таким мелким и недостойным упоминания. Окажись ты вдруг там, на своей великой и страждущей родине, тебя всю переполнили бы ее печали и плачи. Как я желал бы, чтобы она была и моей родиной! Я имел бы право отзываться на каждый удар и сострадать этому великому страданию»⁷⁸.

Более сложным было отношение Рильке к событиям первой русской революции. Убежденный в смирении и кротости русского человека, Рильке считал его неспособным к мятежным разрушительным действиям. Единственный способ, каким, по мнению Рильке, можно противостоять внешней (социальной) несправедливости, — это путь внутреннего сопротивления. Будучи бунтарем «изнутри», Рильке до конца своих дней скептически относился к попыткам изменить действительность путем социального бунта. 9 декабря 1920 года в письме к Ц. фон Зедлаковицу, своему бывшему воспитателю в военном училище, Рильке излагает, опираясь на свой русский опыт, собственное понимание свободы: «Двадцать лет тому назад я провел в России довольно долгое время. Общее понимание, подготовленное чтением Достоевского, превратилось в этой стране, ставшей для меня духовной родиной, в отчетливо ясное представление, которое нелегко сформулировать. Скажем так: на многих и очень многих примерах русский человек продемонстрировал мне, что даже порабощение и наказание, надолго подавляющие любую попытку сопротивления, вовсе не приводят к распаду души. Существует, по крайней мере для славянской души, некая степень порабощенности, вполне заслуживающая этого названия, поскольку там, даже при тягчайшем и нестерпимейшем притеснении, душа обретает нечто вроде четвертого измерения своего бытия, тайного прибежища, в котором для нее начинается, сколь бы гнетущими ни были обстоятельства, новая, бесконечная и воистину полная независимость»⁷⁹.

Недоумение и растерянность, которые должен был вызвать в Рильке сам факт русской революции, ярко проявились в его отношении к Горькому. Оказавшись в конце 1906 — начале 1907 года на Капри, где в то время проживал и Горький, Рильке испытывал по отношению к нему противоречивое чувство. С одной стороны,

⁷⁷ Рильке и Россия. С. 520.

⁷⁸ Rainer Maria Rilke — Lou Andreas-Salomé. Briefwechsel / Mit Erläuterungen und einem Nachwort hrsg. von Ernst Pfeiffer. Zürich; Wiesbaden, 1952. S. 183.

⁷⁹ Rilke R. M. Briefe in zwei Bänden. Zweiter Band 1919–1926. S. 94.

Горький привлекал его как «художник», выходец из народа (это видно из его писем еще в 1900–1901 годах); с другой стороны, активная общественная деятельность Горького, его революционные выступления и статьи явно настораживали Рильке. В своих письмах конца 1906 года (к Л. О. Пастернаку и А. Н. Бенуа) он наивно спрашивает своих корреспондентов, остался ли революционер и демократ Горький подлинно «русским человеком»⁸⁰.

После долгих колебаний Рильке все же навестил Горького. Описание встречи, состоявшейся 12 апреля 1907 года, содержится в письме Рильке к Эллиен Кей (шведская писательница была посредницей в этом знакомстве). «Я должен передать тебе большой привет от Горьких⁸¹, — пишет ей Рильке 18 апреля 1907 года. — На днях, в пятницу вечером, я провел у них целый час. Было приятно и славно видеть и слышать его: улыбка с такой глубокой уверенностью пробивается сквозь всю печаль его лица. Очень просто и верно говорил он о Верхарне и Гофманстале. Но “демократ”, который лезет из него наружу, все-таки тягостно стоит между нами. Это препятствие особенно ощутимо в данном случае, поскольку революционер, как мне кажется, вступает в противоречие и с художником, и с русским человеком; ведь в самой сокровенной сути у них обоих так много причин противиться революциям...»⁸².

Это противоречие между «художником» и «революционером» особенно обострилось в сознании поэта в связи с русской революцией 1917 года. Поначалу Рильке весьма сочувственно воспринял известие об Октябрьском перевороте, тем более что он недолгое время возлагал определенные надежды и на революционную ситуацию в самой Германии. «Я ничего не стану праздновать в моей гостинице, — пишет он 17 декабря 1917 года Катарине Киппенберг (жене издателя Антона Киппенберга), — и ничто не внушало бы мне ни радости, ни уверенности, когда б не мысль о великолепной России. Как я узнаю ее снова! Этот позавчерашний призыв правительства под заглавием “Ко всем страдающим и угнетенным”...»⁸³. Вот каким языком говорит правительство: новое время, будущее, наконец-то!»⁸⁴ Призыв к миру казался Рильке совершенно естественным для «братской» страны, исполненной «доброты» и челове-

⁸⁰ См.: Рильке и Россия. С. 531 и 534.

⁸¹ Имеются в виду М. Горький и его гражданская жена М. Ф. Андреева.

⁸² Rainer Maria Rilke — Ellen Key. Briefwechsel. S. 194.

⁸³ Имеется в виду обращение «К трудящимся, угнетенным и обескровленным народам Европы», составленное и подписанное 15 декабря 1917 г. — в связи с достигнутым в Брест-Литовске соглашением о временном перемирии — Л. Д. Троцкий, народным комиссаром по иностранным делам (см.: Правда. 1917. № 206 (137). 5/18 декабря. С. 1).

⁸⁴ Rilke R.-M. Briefe in zwei Bänden. Erster Band. S. 653.

колюбия, — именно это имел в виду Рильке, когда писал «Как я узнаю ее снова!»

Как и в первые годы века, Рильке не сомневался в историческом призвании России. Ему казалось, что новая Россия, возложив на себя бремя ломки «старого общества», сможет открыто противопоставить себя Западу с его эгоистическим равнодушием и прагматизмом. В этом он был отчасти созвучен некоторым русским поэтам, скажем, Блоку или Андрею Белому. С огромным интересом Рильке читает в начале 1921 года «Двенадцать» и «Скифов» в немецком переводе Р. фон Вальтера. В своем благодарственном письме к переводчику Рильке отметил, что «в них (т. е. в этих произведениях Блока. — К. А.) содержатся, пускай неполно, истинные и достоверные сведения о России — первые, полученные мной». Россия, продолжает далее Рильке, «в силу своего глубинного предназначения и призвания — единственная страна, возложившая на себя всю бесконечность страданий, чтобы переродиться в них. Трудно предсказать, какой она окажется, пережив их, но в любом случае — иной, чем Запад, пытающийся их обойти стороной»⁸⁵.

Создается впечатление, что Рильке ничего не знал (или не желал знать) о действительном положении дел в Советской России. Физическое уничтожение тысяч и тысяч людей, братоубийственная гражданская война, расстрел царской семьи, эмигранты, наводнившие европейские страны, — все это не вписывалось в образ «святой страны», созданный воображением Рильке. Из некоторых его высказываний явствует, что подчас он был даже склонен, до известной степени, оправдывать большевизм. В письме к Н. Вундерли-Фолькарт, своей швейцарской приятельнице (впоследствии — душеприказчице), Рильке пишет 12 августа 1920 года, что «не следует слишком опасаться большевизма — это название не представляет собой ничего достаточно конкретного, и то, что так долго вынашивалось под его прикрытием, может оказаться неизвестно чем, даже удачей и благом, да и жажды будущего в нем больше, чем в любом возврате к обветшалым формам...»⁸⁶

Тем не менее, оставался вопрос: как соединить «большевизм» с набожным и терпеливым народом, с «русской душой»? Как соотносить кровавое настоящее России с верой в ее «великое будущее»? Признать, что большевизм с его методами воплощает в себе — пусть отчасти — народную стихию, Рильке не мог: для этого он слишком верил в особое призвание России, в ее «богоизбранность».

⁸⁵ Письмо от 6 апреля 1921 г. (*Rilke R. M. Briefe in zwei Bänden. Zweiter Band. S. 149–150*).

⁸⁶ *Rilke R. M. Briefe an Nanny Wunderly-Volkart / Im Auftrage der Schweizerischen Landesbibliothek und unter Mitarbeit von Niklaus Bigler besorgt durch Rätus Luck. Frankfurt a. M., 1977. S. 300.*

Письма Рильке свидетельствуют о том, что приблизительно в середине 1920 года у него формируется свое собственное представление о «большевизме». Да, конечно, большевизм — это зло, рассуждал Рильке, но его никоим образом нельзя воспринимать как явление органическое, как выражение народной души. Это — временное недоразумение, которое не затрагивает «сердцевины» народного бытия. Большевизм — это своего рода фасад. Россия, чье призвание — строительство будущего, решила временно отгородиться от Запада этой стеной, как бы отпугнуть его от себя. При помощи политического чудища под названием «большевизм» Россия открыто противопоставила себя Западу, отгородилась от него, словно стеной.

Думается, что решающую роль в таком толковании русского большевизма сыграла книга Л. Ф. Достоевской, дочери писателя. Изданная в 1920 году в немецком переводе (с французского оригинала), эта книга сразу же привлекла к себе внимание Рильке.

Пытаясь опереться на авторитет и взгляды своего отца, Любовь Достоевская в предисловии к своей книге утверждала, что «русские интеллигенты, нигилисты и анархисты намеревались насадить в нашей стране европейский атеизм, тогда как наши глубоко религиозные крестьяне хотели остаться верными Христу». В результате, продолжает Любовь Достоевская, «рассерженный» народ прогнал интеллигентов «как нечто глупое и вредное». Теперь же, по ее словам, русский мужик готовится создать новое «огромное восточное государство» и «оставляет большевизм в качестве пугала, чтобы держать старую Европу на расстоянии, чтобы помешать ей вмешиваться в свои дела и чинить препятствия в процессе национального строительства. В тот день, когда оно будет окончено, мужик уничтожит ненужное ему теперь пугало, и изумленные европейцы увидят перед собой новое русское государство, которое будет гораздо более могущественным и прочным, чем старое»⁸⁷.

В письме к княгине М. фон Турн унд Таксис от 23 июля 1920 года Рильке восторженно отзывался о книге Л. Ф. Достоевской и ее суждениях по поводу событий в России. «Уже своим коротким предисловием — пишет Рильке — мадмуазель Достоевская, продолжая славянофильскую линию своего отца, дает нынешним российским обстоятельствам то толкование, которое я мог бы назвать превосходнейшим и в высшей степени плодотворным: русский мужик, этот бесконечно выносливый и творческий элемент России, уже приступил к своей великой работе; созидавая глубокие и прочные связи с Востоком, он использует большевизм “в качестве пугала”, чтобы

⁸⁷ *Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери. Первое полное русское издание / Вступ. статья, подг. текста к печати и примеч. С. В. Белова. СПб., 1992. С. 15–16.

оградить себя от западных людишек (die Westlinge), от их самоуверенного и назойливого вмешательства. И пусть сегодня дело выглядит иным образом, я уверен, что Любовь Достоевская, вооруженная зрением своего отца, лишь до срока высказывает то, что рано или поздно должно осуществиться, иначе весь мир остановится в своем развитии. Ведь среди ближайших путей, коими движется мир, этот — наилучший и справедливейший»⁸⁸.

Эту веру в русского «мужика» и будущее возрождение России Рильке сохранил до конца своей жизни. Предисловие в книге Л. Достоевской помогло ему логически соединить то, что казалось противоречивым и несовместимым. В частности — объяснить (для себя самого!) явление русской эмиграции. Как могло случиться, что лучшие люди России (со многими из них Рильке общался в 1920-е годы) были вынуждены покинуть свою страну? Ответ казался достаточно убедительным. Всею виной — большевизм, то самое «пугало», которым воспользовалась Россия, чтобы отгородиться от Запада. Однако подлинная «русская суть» осталась незамутненной, нетронутой. Европеизированная русская интеллигенция, временно вытесненная из своей страны, медленно осознает истинное положение вещей и готовится к неминуемому краху большевизма.

Все это ярко отразилось в письме Рильке к художнику Леониду Пастернаку. Отзываясь на письмо своего старого друга, поздравившего поэта с 50-летним юбилеем, Рильке отвечает ему 14 марта 1926 года — за несколько месяцев до смерти. Это письмо Рильке можно рассматривать — в свете его многолетних исканий России и «русского бога» — как итоговое.

«И я хочу Вас сразу же заверить — пишет Рильке — что и Вы, и Ваши близкие, все, что касается старой России (незабываемая таинственная “сказка”⁸⁹), все то, о чем Вы мне напомнили Вашим письмом, — все это осталось для меня родным, дорогим, святым и навечно легло в основание моей жизни! Да, всем нам пришлось пережить немало перемен и прежде всего — Вашей стране. Но если нам и не суждено дожить до ее возрождения, то потому лишь, что глубинная, исконная, умеющая все претерпеть Россия вернулась ныне к своим потаенным корням, как это уже было с ней однажды во времена татарщины⁹⁰: кто усомнится, что она живет и, объята тьмой, незримо и медленно, в святой своей неторопливости, собирается с силами для еще какого-нибудь, быть может, далекого, будущего? Ваше изгнание, изгнание многих бесконечно преданных ей людей питает эту подготовительную работу, протекающую в известной мере подспудно; и подобно тому как исконная Россия ушла

⁸⁸ Rainer Maria Rilke und Marie von Thurn und Taxis. Briefwechsel. S. 612.

⁸⁹ Это слово написано в оригинале по-русски.

⁹⁰ Последнее слово в оригинале — по-русски.

под землю, скрылась в земле, так и все вы покинули ее лишь для того, чтобы хранить ей верность сейчас, когда она затаилась»⁹¹.

Советская Россия, поработенная большевизмом, и старая патриархальная Русь, «незабываемая таинственная сказка», сливаются для поэта в единый образ «вечно претерпевающей» страны, «объятай темнотой» и продолжающей — в тяжелейших условиях — жить своей подспудной жизнью с тем, чтобы однажды в будущем «возродиться»: явить миру свой истинный святой лик. Созданный поэтом миф о России нигде не звучит таким трагическим диссонансом по отношению к подлинной российской реальности, как в этом последнем его письме к Л. О. Пастернаку.

⁹¹ Рильке и Россия. С. 550.